

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 16**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 16**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 16 / С. М. Соловьев —
«Public Domain», — (История России с древнейших времен)

Пятнадцатый и шестнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История
России с древнейших времен» посвящены царствованию Петра I.

© Соловьев С. М.

© Public Domain

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 16. Царствования Петра I Алексеевича. 1709–1722 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Внутреннее состояние России с 1705 года до учреждения Сената. – Характер правления. – Кабинет-секретарь Макаров. Зотов. – Остерман. – Судьба Винцуса. – Деятельность Курбатова. – Курбатов вице-губернатором в Архангельске. – Финансовые распоряжения. – Полицейские распоряжения. – Гошпиталь. – Меры против нищенства. – Разбои. – Заботы Петра о просвещении. – Духовенство. – Неудовольствия архиереев на Монастырский приказ. – Дело нижегородского митрополита Исаии. – Стефан Яворский. – Деятельность митрополитов: Иова новгородского и Димитрия ростовского. – Неудовольствия в низших слоях народонаселения. – Состояние Малороссии. – Разделение России на губернии. – Первое счисление прихода с расходом. – Учреждение Сената. – Определение его деятельности. – Учреждение фискалов. – Комиссары из губерний. – Медленность губернаторов. – Продолжение шведской войны. – Положение завоеванного Прибалтийского края. – Женитьба герцога курляндского на племяннице царской Анне Иоанновне. – Дела турецкие. – Разрыв с Портою. – Действия союзников датчан. – Отношения к Англии и Ганноверу. – Отношения к Польше. – Печальные предчувствия Петра пред началом турецкой войны. – Семейное дело.

В рассказе о внутреннем состоянии России мы остановились на 1705 годе. Мы видели, как с этого года борьба преобразователя и с чужими и с своими усиливается, страшный враг входит в пределы России и за бунтом Астраханским следует бунт Башкирский, Булавинский, измена Мазепы. Во все это время мы не вправе ожидать сильной внутренней деятельности, важных преобразований. Характер правления остается прежний; царь по-прежнему в отлучке, изредка приезжает в Москву: приедет, станет заниматься внутренними делами, и вдруг – вести о приближении врага, царь с досадою покидает важные правительственные занятия и спешит к границам. В отсутствие царя по-прежнему управляют бояре, которые носят название *министров*; министры по-прежнему съезжаются в палату в ближнюю канцелярию на общий совет, в *консилию*. Оказались беспорядки: приедут не все, а потом при взыске отговариваются: я не был и дела на рещал. В 1707 году Петр написал Ромодановскому из Вильны: «Изволь объявить при съезде в палате всем министрам, которые в консилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый бы министр своею рукою подписывал, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Правительственные лица прежние, нам знакомые, по-прежнему сильнее всех Александр Данилович Меншиков; но подле царя является новое лицо, очень скромное, не видное и не слышное, но расположения которого заискивают самые сильные люди. Царь в отлучке из Москвы: он то в Петербурге, то в Воронеже, то в Азове то в Литве; но он следит за всем, к нему обращаются все с донесениями, вопросами, просьбами и жалобами. Все эти бумаги поступают

в *Кабинет* царского величества; царь их все прочитывает; но он то преследует неприятеля, то отступает от него, то переезжает с одного конца России на другой – когда он прочтет ту или другую бумагу, когда даст решение? Прочтя, отвлечется другим, более важным, делом: когда опять вспомнит о прочитанном? Но подле него безотлучно находится человек, который подает ему бумаги, читает их; от этого человека, следовательно, зависит, когда подать бумагу, пораньше или попозднее, от него зависит напомнить о бумаге, уже прочитанной, и, главное, от него зависит доложить о деле или напомнить о нем в благоприятное время, когда царь спокоен, в духе. Этот человек – кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, человек без голоса, без мнения; но человек могущественный по своему приближению к царю, и все вельможи, самые сильные, обращаются к Макарову с просьбами: обратить внимание на их дела, доложить о них царскому величеству и напомнить, чтоб поскорее были решены. Для примера, как относились первейшие вельможи к Алексею Васильевичу, приводим письмо Федора Матвеевича Апраксина к нему: «Мой благодетель Алексей Васильевич, здравствуй. Объявляю милости вашей: вручил я письмо до всемилостивейшего государя чрез господина адмирала (Головина). Пожалуй, мой благодетель, когда вручено будет, вспомози мне о скором ответствовании, в чем имею на тебе надежду. Тако ж де послано письмо до милостивейшего моего патрона Александра Даниловича: по возможности изволь разведать и, по своему приятству, ко мне напиши. Приятелем моим, кои обретаются при его величествии, господам питателем и комнатным служителем и славному богатырю Екиму и всем, кто меня любит, пожалуй поздравь» Для письмоводства при Петре была ближняя походная канцелярия, начальником которой был *всешутейший* Никита Моисеевич Зотов, старый, опытный излагатель царской воли в указах; он назывался: «Ближний советник и ближней канцелярии генерал-президент». Несмотря на этот громкий титул, Зотов далеко не имел того значения, каким пользовался Макаров. С 1703 года для иностранной переписки находился постоянно при государе Остерман, сначала невидный, скромный немчин.

Сходит со сцены старый, неутомимый работник думный дьяк Андрей Андреевич Вениус. Петр, державший его прежде в большом приближении, сильно охладил к нему, заметив, что старик нечист на руку. В 1703 году Вениус, угрожаемый лишением всех мест, обратился к Меншикову с подарками, привез ему в Петербург три коробочки золота, 150 золотых червонных, 300 рублей денег, а в семи коробочках золота и в 5000 рублях дал письмо, в котором обязывался выдать по востребованию. Данилыч поступил с ним нечисто: дал ему письмо для доставления государю, и в этом письме, которое Вениус прочел, было написано, что старик оправдался совершенно во всем. Но в то же время Меншиков отправил к Петру другое письмо, в котором писал, что Вениус, несмотря на свое *выкручивание*, ни в чем не мог оправдаться. Рассказавши, какие подарки дал ему Вениус, Меншиков прибавил: «Зело я удивляюсь, как те люди не признают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами: или они не хотят, или бог их не обращает. А большую дачу дал мне Вениус и за то, чтоб Пушкарский приказ и аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирский приказ удержать за ним. Из чего изволишь познать, для чего такую великую дачу дал: надеется от Сибирского приказа впредь себе больших пожитков; а прежде много раз бил челом твоей милости о деревнях, говоря, что пить и есть нечего». Вениус продолжал работать, лил пушки, но чувствовал немилость царскую; в апреле 1705 года он писал Петру: «Обрадуй мя, своего раба, в печалех погружаема во грядущий праздник Воскресения Христа, бога нашего, обнадежением своея государския милости». Обнадеживания, как видно, не было; старику стало очень тяжело: другие идут быстро вперед, молодой переводчик Посольского приказа Шафиров в большой милости, заведывает почтовым управлением, отнятым у Вениуса, а старый служака забыт, в опале! Не он ли умножил казну несколькими сотнями тысяч, нашел руды медные и железные, устроил 4 завода, которые кроме удовлетворения государственным потребностям отправляют свои произведения за море; устроил китайский торг, нашел селитру, в два с половиною года изготовил больше 600

пушек, улучшил порох, устроил математическую школу. И за все это вместо награды наложили на него взыскание в 13000 рублей, чтоб заплатить эту сумму, должен был один двор продать, другой заложить, деньги занять; опозорен, обнищал, и наконец 65-летнего старика послали в Гродно, где целый год был в тяжких трудах. В 1706 году узнали, что Виниус ушел за границу, откуда написал царю оправдательное письмо: «Будучи в Гродне, в нашествие неприятелей лишился без мала не всех своих лошадей и людей. По сих, во время похода достал скудости ради лошадей и денег, иные и худосильные, которыми, отъехав едва до Кнышина, в том месте обессилели и от бескормицы стали, и я, видя себя в таком опасении нужною смертию погибнуть или в руки достаться неприятелю, принужден к прусской границе удалиться». Старик соскучился по России, просил позволения возвратиться и получил его в 1708 году. О возвращении своем он так уведомил царя: «Приял резолюцию паки в недра святые восточные церкви и под кров вашего величества славного милосердия вдатися, чрез океан северный к Архангельской порте и град Москву достигох; но обрете домик мой запечатан, деревни описаны, книги, ими же некогда вашему величеству служих и в горестех своих довольную приях утеху, взяты». Виниус просил вернуть ему все взятое, получил и опять стал служить книгами: через два месяца по возвращении по царскому приказанию перевел трактат механики; объявляя об окончании труда, просил прощения за медленность по старости и недугам, особенно по трудности материи. в которой некоторых имен без лексикона перевести было трудно.

Деятельность Виниуса прекращалась; все сильнее и сильнее становилась деятельность знаменитого прибыльщика Курбатова. Мы видели его деятельность в звании дьяка Оружейной палаты в феврале 1705 года он был сделан инспектором ратуши, т. е. представлен в челе финансового управления в целой России. Прибыльщик на своем месте: письмо за письмом шлет он к царю, вскрывая злоупотребления, указывает новые источники доходов, не щадит сильных людей, опираясь на могущественного милостивца своего Меншикова. Неизвестно, к какому времени относится доклад Курбатова Петру: «Молю тя, государя, повели мне, видя, где мочно учинить какие в котором приказе прибыли; или какие в делах поползновения, судиям наедине доносить безбоязненно. И о которых двух человеках в помощь мне милости я у тебя, государя просил, умилися, государь, ради милосердия божия, даруй мне их ради истинных услуг к тебе, государю, и повели мне сказать о них указ твой. Благоволи в надежду всех поступок моих zde подписать своею, государевою, рукою. Истинно желаю работать тебе, государю, без всякого притворства, как богу». Петр подписал на докладе: «Доносить доброе дело самим, только надобно смотря по человеку, о чем и приточник: обличение нечистивому мозоли. А о дву человеках говори Федору Алексеевичу (Головину), чтоб он сделал». Уже в марте 1705 года Курбатов писал Петру: «Тихон Никитич (Стрешнев) изволит принуждать, чтоб десятою деньгою обложить вновь гостей и гостиных детей. Они милости просят, чтоб их обложить в ратуше; нам приносят многую жалобу, что растащены все врознь; десятые деньги собирают мимо ратуши в разных приказах, от чего им не без утеснения. А повеление вашего величества нам, дабы со всеми околичностями усмотреть ратушу, в чем истинно, как богу, равно желаю тебе, государю, услужити. И надлежит не тоию одних гостей обложить, но, усмотрев, и всех слобод торговых людей, для того что в прежних окладах нималое есть усмотрение: кому мочно платить сто рублей, тот платит пятнадцать, а убогие отягчены».

В наказных статьях, данных Курбатову, было сказано: «Надлежит рассмотреть ратушу московскую со всеми ее околичностями и, что возможно еще, прибавить прибыли без тягости народа. Города, которые можно вместе с Москвою тако ж де осмотреть, а прочие потом, как возможно, обнять, един по другом осматривать и ставить на мере». Курбатов принял за дело и в октябре того же 1705 года донес государю: «Вашего величества повелением вручено мне с товарищи ратушное правление, велено осмотреть ратушу со всеми ее околичностями. Многий в том належит труд того ради, что никакого нет в ратуше правого усмотрения вин ради таковых: 1) что не тоию сначала состояние ратуши, но еще с 206 года (1698), с которого им

то чинить велено, книг московские таможи по сей год в ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейные прибыли многих же годов бурмистры не считаны, в чем усмотрел я, что их милость бурмистры друг другу тяготы носят. 2) В городах от бурмистров премногие явились кражи вашей казны, и в розысках бурмистры говорили, объявляя о черных сборам книгах, которых не подают в ратуше, а подают белые, написав как хотят с великим уменьшением, и во всех городах такие книги есть, которые уже многие и вынуты, и для собрания таких книг хочу послать во все города, а в иные и посланы: и таким клятвопреступникам, крадущим вашу казну, что чинить? Да повелит мне ваше величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да восприимут смерть, без страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москве и в городах в сборах воровство. 3) Подьячие ратушские превеликие воры, и всякое вышеозначенным ворами чинят в их посползновениях попомоществование, и имеют себе повыть за наследства, и берут премногие взятки, еще ж дают в города знать, да опасаются нашего правления, и о таковых, государь, что чинить? Поступаю и так, при помощи божией, не зело им в угодность, но приемлю ненависть от их патронов, понеже имеют едва не всякий у себя дядек». Курбатов приводил примеры, какие средства употребляют частные люди для собственных выгод против выгод казны: человек Кирилла Киреевского, пришедши в деревню к белевским бортникам, говорил: вам, бортникам, конечно, за государем не быть, а быть по-прежнему за помещиками, а на Меншикова в том не надейтесь; разве двое их за рубеж в иное государство уйдут. Дворовый человек княгини Урусовой, приехав к ним же на мирской сход, сказал: как приедет к вам из канцелярии медового сбора описчик для описи бортных, и вы бортниками ему не сказывайтесь, и в том на прибыльщиков не надейтесь, за государем вам никогда не бывать, а быть за боярынею

В 1705 году Курбатов доносил неопределенно о премногом воровстве; в 1706 уже указывает прямо на лица и на суммы украденные. 4 октября он писал государю: «За градскими бурмистры премногое воровство чрез мое, бедного, усердие сыскано: в одном Ярославле украдено с 40000 рублей. На псковичей Никифора Ямского и Михайла Сарпунова с сыном и на иных лучших людей доносят, что во время точию шведской войны украдено ими пошлин и питейной прибыли с 90000 рублей и больше. Они же, воры-псковичи, посланным с Москвы надзирателям всякое чинили противство, отчего и в сборах уменьшение, и из земской избы их выбили самовластно, в котором противстве Иван Сарпунов ныне на Москве принес повинную, что то противство чинили они по указу лучших людей, Ямского со товарищи. Ныне в таких великих их воровствах и противствах велено сыскать о них Кирилле Алексеевичу Нарышкину, который в многих взятках с них сам приличен и во всем им дружит: как он сыскать может истину? Умилосердись, государь, не вели ему ни в чем их ведать; ежели я в том сыску учиню какую неправость, то вечно лишен да буду вашего милосердия. Доносители так написали: ежели они неправо доносят и воровство их не сыщут, чтоб их казнить смертию, а чтоб у того розыска Кирилле Алексеевичу не быть». Донося, сколько кем украдено казенных денег, Курбатов прибавлял, сколько он сам сделал казне прибыли: «Моим, бедного, усердием в нынешнем году в Москве одной над все годы от новопостроенных аптек, и что истреблены корчмы многие, со 100000 рублей питейные прибыли будет». Прибыльщик вынул корчемное вино у первого разрядного подьячего Топильского, который находился у боярской книги: подьячий торговал вместе с женою в ведра и скляницы, продал до 400 ведер, и много еще было запечатано. Курбатов открыл и то, откуда подьячий добывал вино: это были взятки с дворян, для которых Топильский обделывал дела в Разряде; в два года он получил таким образом с дворян до 1500 ведер вина и множество других припасов; люди, у него служившие, получены были за долг. Оканчивая свое донесение, Курбатов писал царю: «Едва не все их милости об нем скорбят, подсылают ко мне с дарами, грозят погубить. Молю, спаси! Одни ярославцы и псковичи готовы дать 20000 рублей, чтоб только избегнуть обличения от меня».

Кроме кражи казенных денег Курбатов доносил царю о другом печальном явлении. Мы видели, что одним из первых распоряжений Петра было освобождение городских жителей от воеводских притеснений, им дано было самоуправление; но как же они этим воспользовались? «Через московскую ратушу ведомо великому государю учинилось, что едва не во всех городах в окладных тяглых и в случающихся неокладных и на мирские расходы поборах налагают пожиточные, пользуя себя, на убогих (без всякого скудости их торговых промыслов рассматривания) платежи тяжки; в иных же городах предлагают они пожиточные в новое убогим же тягчайшее уравнение, именно, оставя имущество пожитков, равняют в ровные с собою подати числом дворовым. И чтоб оные поборы и всякие подати были сбираны по древнему, с расположением каждого в пожитках имущества, обычаю, многое в городах земским бурмистрам от убогих было прошение; но они, ведая о себе, что и сами они из числа первостатейных же, указу им не чинили, иным же производили в тюрьмах задержанием и чрез иные наказания озлобления, от которых обид многие из числа убогих вышли в стороны городов». Для отстранения этих злоупотреблений царь велел «выбирать по общему же с малопожиточными соглашению, особливых из первой и из последних статей, сколько человек где прилично, которые брали у сборщиков и расходчиков всяким поборам и расходам всякие письменные ведомости помесячно и по тем ведомостям сборы и расходы считали самую истинною правдою».

Кроме злоупотреблений Курбатов жаловался и на нерадение выборных бурмистров: «Которые при мне и бургомистры есть, ей, малое от них имею помоществование, понеже видя они мое усердие, что я многое усмотрел не точию за иными, но и за ними, мало за сие мя любят, и лучший Панкратьев однажды или дважды в неделю побывает в ратуше, а в банкетах по вся дни; а я, бедный, ей, ей, государь, едва не всем управляю своею головою».

Жалуясь на бурмистров, Курбатов жаловался на губернаторов, которые не присылали в московскую ратушу денег, собранных в ратушах других городов: «В ратуше, государь, собрано моим усердием из доходов прошедших лет денег тысяч со сто рублей. Из губерний ратушских сборов прошедших лет в ратуше в присылке самое малое число, тако же и бурмистров к отчету: да повелит ваше величество повторить о том именными указами. Премногие тысячи доимочных денег довлеет быть в сборе, в том числе с двух городов точию, с Астрахани и с Казани, со 150000 рублей. Ничего Петр Матвеевич Апраксин не присылает, а сказывал сам, что у него в Астрахани тех денег есть в сборе тысяч с 70, а в ратушу прислано от него в три года только 10000 рублей».

Знаменитый прибылыщик по-прежнему не ограничивался одними финансами: еще в 1704 году он послал Меншикову статьи о умножении пехотных и конных войск и о поселении пехотных в городах; а в 1705 году писал самому государю: «Доносил я вашему величеству в прошедших летах неоднократно, дабы из москвич и городовых дворян учинить полки драгунские, понеже нестройный их бой не точию шведам, но и татарам не зело страшен. А ныне еще в остатках тех москвич слишком 4000, и ежели при них хотя по одному драгуну учинить из людей их, то будет полков тысячных осмь, а иные возьмут за собою двух и трех человек военных, и служить будут без жалованья, как и ныне, аще и не строем, однако служат едва иные не повсягодно; а многие из них прикрываются, всяко измаяясь, чрез посылки, которое их прикровение истинно всячески надлежит отсечь; ясное неусмотрение, что во многих городах едва не по десяти человек живут ради дел, которые дела мочно все управить одному воеводе; а буде и послать для самых нужд в помощь воеводе, то бы, конечно, из отставных или из дьяков и подьячих, а не из служилых, от которых посыльных дворян превеликое чинится народу разорение, как я уведомился о Вятке, что из их милостей брали с народу рублей тысячи до полторы; их милостей великочестных многих есть дети, братья, а иные и сами могут, но не служат, в пример же сын Алексея Петровича Салтыкова или сын Тихона Никитича (Стрешнева) и прочих». Таким образом, прибылыщик продолжал задевать сильных людей; продолжалась у него и ссора с князем Федором Юрьевичем Ромодановским. Пресбургский король

избил ратушского подьячего без розыска в самую великую пятницу, «забыв величество дня». Курбатов послал жалобу царю, причем отозвался очень нелестно об умственных способностях страшного короля: «Видя такую злобу, я сам ослабеваю в моем усердии: понеже аще и скудный в своих рассудках человек, но великомочный в своем правлении, учинит что хочет. Умилосердись, государь, заступись за нас; кому было надлежало нас любить, понеже значитя правосуден (мнением разве), тот паче всех ненавидит. Не вели ему ни в каких делах людей ратушных ведать. Ей, ей, государь, многое творит по пристрастию».

В начале 1711 года в судьбе Курбатова произошла перемена Петр назначал его вице-губернатором в Архангельск, в место, важное по своему торговому значению, ибо Архангельск, или *город*, как его обыкновенно называли, продолжал быть единственным морским пристанищем в России; в 1710 году к нему приходило английских кораблей 72, голландских 58, гамбургских 12, бременских 2, русский 1, испанский 1, датских 8, всего 154. Место было важное: было над чем присмотреть, было где найти злоупотребления и новые источники доходов зоркому глазу прибыльщика Несмотря на то, Курбатов сильно огорчился, узнав о своем назначении: инспекторство в московской ратуше он имел полное право считать выше архангельского вице-губернаторства; притом из столицы, где он имел такое важное значение, перебираться на край света, в Архангельск. Другое дело, если бы назначили губернатором! Курбатов увидал в своем новом назначении опалу и выразил свою скорбь в письме к государю. Петр отвечал ему: «Господин Курбатов! Вчерашнего дни получил я письмо от вас, в котором вы зело опечалились ездою к городу образом малодушества, то не напоминая, что в каких бедах ваш предводитель и печалях обретається; что же мните, будто ради я какого сердца на вас сие учинил, то извольте верить воистину, что ниже в мысли моей то было, ибо ежели б я хотел, явно б мог без подлогов учинить, о чем пространнее услышите, когда у вас назавтрие буду. Peter». Курбатов просил губернаторского звания. «Построй три корабля, и будешь губернатором», – отвечал ему Петр. Недаром печалился Курбатов: не на добро поехал он к городу!

Прибыльщики указывали новые источники доходов, и правительство брало везде, где только можно было взять, чтоб вынести тяжкую войну, предпринятую для приобретения средств к народному обогащению. С начала 1705 года меры для умножения казенных доходов усиливаются. 1 января – два указа: первый – об отдаче рыбных ловель на откуп; второй: на Москве и в городах, у всяких чинов людей соль описав, продавать из казны, а у продажи быть выборным головам и целовальникам добрым, а над ними смотреть бурмистрам; а впредь соль ставить в казну подрядом, кто похочет, а почему по подряду по истинной цене на месте станет, продавать *вдвое*. В том же месяце велено переписать у продавцов дубовые гробы, собрать их в монастыри и продавать против покупной цены *вчетверо*; а сосновых, еловых и других гробов не переписывать и не брать. В том же январе наложена пошлина на бороду и усы: кто не захочет бриться, с тех брать: с царедворцев, служилых и приказных людей – по 60 рублей; с гостей и гостиной сотни первой статьи – по 100 рублей, средней и меньшей статьи, с торговых и посадских людей – по 60 рублей, с боярских людей, ямщиков, извозчиков, церковных причетников и всяких чинов московских жителей – по 30 рублей ежегодно; с крестьян велено брать везде по воротам пошлину, по 2 деньги с бороды по все дни, как поедут в город и за город. Сибирским жителям было дозволено для скудости остаться при прежнем платье и прежних седлах. В феврале велено с извозчиков брать десятую долю с наемной платы. В апреле продажа табаку взята у англичанина Гутфеля и сделана казенною. Издавна в Москве в рядах и по перекресткам дегтем, коломазью, мелом, жиром, рыбным салом, а в городах и смолою торговали откупщики: в 1707 году эту торговлю запрещено отдавать на откуп, велено означенные товары продавать выборным из слобод целовальникам под надзором мытенных бурмистров.

Несмотря, однако, на сильную нужду в деньгах, тяжесть некоторых прежних налогов была ослаблена: прежде была наложена рублевая пошлина на домашние бани; в 1705 издан указ: с маломочных, служилых и нижних чинов людей, дьяков и просвирниц, у которых домашние

есть бани, а на 704 год с тех бань за скудость рублевых денег не платили и оплатиться с правяжа нечем, те деньги сложить и впредь не править, а брать с домашних бань по 5 алтын на год. Которые имеют у себя пожитков на 50 рублей и больше, у тех брать с бань по рублю; у кого меньше 50 рублей, с тех брать по 5 алтын; с крестьян и деловых людей брать с бань по 3 алтына по 2 деньги. Содержание постоянных дворов, взятое прежде в казну, в 1705 году опять отдано частным людям с обязанностью платить четвертую долю с постоя. Торговля льном взята у англичанина Гутфеля, а велено торговать всем свободно, возить всюду. Заведение флота заставило обратить внимание на леса; те из них, которые доставляли хороший материал для кораблестроения, правительство объявило *заповедными*: в 1705 году было определено, чем и для чего можно было пользоваться в этих заповедных лесах: «На сани и телеги, на оси и полозья и к большим чанам на обручи рубить заповедные леса: дуб, клен, вяз, корогач, лиственницу, а на мельничные потребности, на пальцы и на шестерни рубить ныне всем невозбранно; а на иное домовое и ни на какое строение никаких заповедных лесов отнюдь никому не рубить под смертную казнию безо всякой пощады».

Брали деньги везде, где только можно было взять, брали дубовые гробы из лавок и продавали вчетверо; но доходов все недоставало на военные издержки, и потому собирали деньги на жалованье ратным людям с дьяков и подьячих, московских и городовых. Ратным людям надобно было платить жалованье, и платить хорошими деньгами, которые бы имели ход и в чужих странах; для этого в 1706 году распорядились: «Деньги медные держать в расход и давать жалованье и на всякую дачу тем, которые живут на Москве, десятую долю медными, а которые в приказы приносят во всякие платежи, и тех медных денег принимать пятнадцатую долю на такие же московские расходы; а монеты на жалованье в полки посылать и давать всегда в расход». Хорошие же деньги нужно было посылать за границу на жалованье послам: Долгорукову в Копенгаген – 1865 рублей в год; фон дер Литу в Берлин – 2700; Урбиху в Вену – 9000; Толстому в Царьград – 4225; Матвееву в Англию – 5265.

Кроме усиленных денежных поборов, шедших преимущественно на войну, были и поборы другого рода, для внутренних улучшений: в сентябре 1705 года велено было мостить московские улицы камнем, для чего крестьяне и торговые люди должны были доставлять дикий камень и песок. Но вдруг всю Москву вымостить камнем было нельзя; нужно было поддерживать старую деревянную мостовую и позаботиться об опрятности улиц. В феврале 1709 года велено было выбрать во всех улицах и переулках для досмотра помета и мостовых бревен десятских; если против чьего-нибудь двора из мостовой будут бревна выломаны или покрадены или какой навоз и мертвечина и помет явится, то все это очищать и краденые из мостовых бревна замазывать хозяевам, против чьих дворов помет и краденые бревна явятся; ослушников за первый привод бить батогами, за второй бить батогами и брать пени по 5 рублей, за третий бить кнутом и брать пени по 10 рублей.

Крестьяне должны были доставлять дикий камень и песок для московских мостовых; монастырские крестьяне Московского уезда должны были возить на гошпитальный двор можжевельник, поставлять быков. В 1706 году великий государь указал построить за Яузою-рекою против Немецкой слободы в пристойном месте гошпиталь для лечения болящих людей, а у того лечения быть дохтуру Николаю Бидлу да двум лекарям, Андрею Рыбкину, а другому – кто приискан будет. Тогда же велено набрать из Монастырского приказа в ученики к дохтурственному делу и отослать к доктору Бидле; между прочим, из Адмиралтейского приказа был отослан матрос голландского ученья. В 1707 году гошпиталь попечением Мусина-Пушкина был окончен. Главный доктор Бидлоо в 1712 году писал Петру: «В сем гошпитале благоволил ваше величество, чтоб я сего народа несколько молодых людей, кои голландского и латинского языка искусны были, хирургии по основанию анатомическому научил, и больных, посланных ко мне, и иных бедных увечных исцелял, и всяких людей, кои ко мне присланы были, посещал. Более тысячи больных у меня оздоровели. Лучших из студентов моих рекомендовать не

стыжусь, ибо они не токмо имеют знание одной или другой болезни, которая на теле приключается, и к чину хирурга надлежат, но и генеральное искусство о всех тех болезнях, от главы даже до ног, с подлинным и обыкновенным обучением, как их лечить, тако ж приключаются язвы завязывать и ко оным завязывание сочинять, где повседневно от ста до двухсот больных суть, зело поспешно научились. Взял я в разных годах 50 человек до науки хирургической, которых 33 осталось, 6 умерло, 8 сбежали, 2 по указу взяты в школу, один за невоздержание отдан в солдаты».

Существовали старые богоугодные заведения при церквах, богадельни; в 1710 году упоминаются в Москве: Николаевская богадельня за Яузою на Болвановке, Троицкая у Покровских ворот на Грязях, Введенская на Сретенке, Троицкая в Мещанской, Троицкая в Сыромятниках, Смоленская, Адрианонатальская. В декабре 1705 года боярин Мусин-Пушкин по указу великого государя приказал: нищих, которые являются на Москве, и ходят по рядам и по улицам, и сидят по перекресткам, просят милостыню пришлые из городов и из богаделен, ловить и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщикам себе, а их приводить в Монастырский приказ, и чинить им наказанье, и всякого чина людям заказывать, чтоб тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать, пусть дает в богадельни; а кто не послушается и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в Монастырский приказ и брать с них пеню по указу; из этих пенных денег половина идет в Монастырский приказ, а другая – тому подьячему, который станет таких людей приводить в приказ, и для того послать из Монастырского приказа подьячих с солдатами и приставами по улицам.

В Москве преследовали нищих; в областях продолжалось преследование, и не с большим успехом, более вредных людей. И июля 1707 года сидели бояре в столовой палате, слушали памяти из Разряда, отписки из Углича и Твери и приговорили: на Углич, в Тверь, в Ярославль, в Пошехонье, в Торжок, Бежецкий Верх и другие города и уезды для розыску и поимки разбойников и смертных убийц и зажигателей послать нарочно из московского Судного приказа стольника князя Василия Мещерского, потому что в этих уездах воровские люди ходят, собравшись многолюдством, много сел и деревень пожгли, много домов разорили. В 1710 году в Монастырский приказ дали знать, что разбойник Гаврила Старченок с 60 товарищами приехал днем в вотчину Ипатьевского монастыря, село Колщево, с ружьями, шпагами, копьями и бердышами; въехавши на монастырский двор, велел прикащику купить в кабаке вина и пива и пил до ночи; разбойники побрали монастырских лошадей, собирали деньги, прикащика, старосту и сторожей били и мучили; крестьяне от вора заперты: никого, никуда, ни с каким делом послать нельзя, проходу и проезду нет, везде разбойники грабят. Тот же Старченок разбил вотчину Воздвиженского монастыря, село Покотцкое, жег огнем, топил печи и сажал туда крестьян, а девиц ругал ругательски; соседние помещики и вотчинники все выехали в Кострому, и разбойники, не видя ниоткуда сопротивления, в полтора месяца отогнали у монастырских крестьян 300 лошадей, не считая пограбленных пожитков. В том же 1710 году били челом государю клинские, волоцкие, можайские помещики и вотчинники: приезжают к ним разбойники многолюдством со всяким оружием, разбивают и жгут села и деревни днем и ночью, мужиков бьют до смерти, баб и девок увозят с собою, лошадей берут, остальных лошадей и скот побивают, хлеб из житниц на улицу высыпают для разорения; на разбой они ездят, собравшись из многих городов и уездов, беглые солдаты, драгуны и корела. От такого разорения и страха, покинув дома свои, они скитаются с женами и детьми по городам. Против разбойников отправлен был полковник Козин.

Если разбойничество по старине производилось в таких широких размерах, если столько людей решалось жить на счет своих, вести постоянную войну с своими, обходиться с ними, как с врагами, то нет ничего удивительного, что считали все дозволенным для приобретения выгоды от чужого, от врага, попавшегося в руки: в 1706 году иерусалимский патриарх Досифей

писал царю, чтоб запретил своим подданным продавать туркам шведских пленников. Но для перемены подобных взглядов в обществе уже принимались средства, хотя и в слабых начатках, хотя и долго еще недействительные: несмотря на тяжкую войну, внимание царя было постоянно обращено на школу, на книги, на все то, что могло распространить знание. В 1707 году приехали из Голландии наборщик, тередорщик и словолитец; последний привез три азбуки *новоизобретенных русских литер*. Этими новоизобретенными литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года. Первою книгою, таким образом напечатанной, была *«Геометрия славенски землемерие»*. За нею следовал письмовник, переведенный с немецкого под названием *«Приклады, како пишутся комплементы разные»*. Эти иностранные приклады начали вытеснять старинные русские образцы писем, отличавшиеся своею униженностию. В том же 1708 году Петр поручил справщику типографии Поликарпову составить русскую историю от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени; Петр писал Мусину-Пушкину, чтоб Поликарпов, описавши на образец лет пять, на два манера – пространно и коротко, прислал ему немедленно. В январе 1709 года, готовясь к решительной борьбе с Карлом XII, Петр писал боярину Мусину-Пушкину, чтоб отыскал в монастырях жалованные грамоты великих князей до царствования Иоанна IV, и у тех грамот какие печати. Тогда же Мусин-Пушкин получил от царя для напечатания книгу историческую о Троянской войне. «По указу твоему, – писал Петру Мусин-Пушкин, – шведские артикулы, выправя, печатать будем; геометрическая книга скоро не поспеет для фигур, архитектурная книга у Гагарина, 2000 календарей послал в армию для продажи, меньшие по 4 копейки, большие по 5, послал 30 книжек кумплементальных, то ж число слюзных. Эзопову книгу славянским диалектом исправили и можем напечатать вскоре». Петр был недоволен печатью и переплетами. Тогда же была напечатана *«Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра, великого царя македонского»*. Кроме того, напечатано несколько переводных книг, относящихся к военному искусству. Петр сам поправлял переводы и учил, как переводить; так, в феврале 1709 года он писал молодому Зотову: *«Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификацию делать, то зело темно и непонятно перевелено, также в табели мера не именована, который лист, переправя, вклеили в книгу, а старый, вырезав, при том же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность. И того ради надлежит вам в той книжке, которую ныне переводите, остеречься в том, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но, точию сие выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть»*. Еще в марте 1705 года велено присылать в Посольский приказ все известия о военных действиях, потому что государь указал в Посольском приказе о шведской войне делать диариуш (дневник).

Кроме книг, издававшихся правительством для русского народа, переводов с языков иностранных, на счет русского правительства издавались книги за границею для иностранцев. Мы видели, что в 1705 году царь отправил в Германию Гюйсена «с подлинными комиссиями». Одна из этих комиссий состояла в том, чтоб издать опровержение брошюры Нейгебауера. Это опровержение вышло в 1706 году на немецком языке под заглавием: *«Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени перед сим был издан в свет под титулом: Искреннее письмо знатного немецкого офицера»*. В сочинении Гюйсена Нейгебауер величается архишельмою; уверение его, что в России дурно обходятся с иностранными посланниками, опровергается тем, что об этом Европа узнала бы не из пасквиля, а из газет и публичных актов и государи отплатили бы за оскорбления своих представителей. Защищается Меншиков: его род производится от хорошей дворянской фамилии литовской, утверждается, что его отец был офицером Семеновского полка. О Монсах говорится, что они были выведены Лефортом, который, умирая, умолял царя покровительствовать им. Царь дал обещание и исполнил его; но Монсы употребили во зло царские милости, за что у них были

отобранные им деревни и большой каменный дом. С царевичем Алексеем Меншиков и министры обходятся чрезвычайно почтительно, но сам царь приказывает, чтоб сына его в молодости не баловали чрезмерным ласкательством. В заключение характер и поведение Нейгебауера описываются черными красками. Нейгебауер отвечал новою брошюрою, в которой обвинял Гюйсена в воровстве; говорил, что Гюйсен получил место при царевиче по ходатайству любовницы Меншикова и т. п.

Мы видели, что Петр, желая поднять духовенство, дать ему силу, потребовал от него образования; в январе 1708 года издан был указ: «Поповым и дьяконовым детям учиться в школах греческих и латинских; а которые из них учиться здесь не захотят, таких в попы и в дьяконы не посвящать, в подьячие и никуда не принимать, кроме служилого чина». Управление церковными имениями находилось по-прежнему в ведении Мусина-Пушкина. Сначала давали каждому монаху по 10 рублей денег и по 10 четвертей хлеба; но с 1705 года царь велел уменьшить эту дачу вдвое, по 5 рублей денег и по 5 четвертей хлеба с готовыми дровами. В которых монастырях по расходным книгам оказалось, что прежде учреждения Монастырского приказа на каждого монаха приходило меньше пяти и четырех рублей, тем и Монастырский приказ выдавал столько же, а малым монастырям с небольшими доходами позволено было ведать свои вотчины по-прежнему, «понеже, – писал Мусин-Пушкин, – нималого прибытка учинить не из чего». Прибыток, чинимый Монастырским приказом, шел на благотворительные учреждения, на богадельни, на новопостроенный госпиталь, также на печатание книг. Некоторые архиереи были очень недовольны учреждением Монастырского приказа и управлением Мусина-Пушкина. В 1707 году из Монастырского приказа послан был драгунский поручик Василий Тютчев для розыска про нижегородского митрополита Исаию и по возвращении донес, что митрополит, выслушав от него, зачем он прислан, начал говорить с криком: «Ты овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божи, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные, и вечные деньги отнимает, и если эти сборы у меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, а ты по наказу своему разыскивай правдою; и так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды, да и вперед, если не отстанете от неправд, шведы вас побьют». Вследствие донесения Тютчева отправился в Нижний дьяк Преображенского приказа Нестеров, чтоб допросить архиерея, точно ли он говорил это Тютчеву; Исаия сказал: «Приехавши в Нижний, свойственник боярина Мусина-Пушкина Василий Тютчев объявил мне о своей присылке в мирском доме, и я к его словам говорил разговором, а не криком: ты – овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Прибавил я к тому правила св. апостол и св. отец и изложение вселенских патриархов. Боярин Иван Алексеевич сыскивать обо мне прислал свойственника своего нападкою на меня, мстя недружбу; а напал он, боярин, не на меня, напал на церковь Божию, потому: по исконным великих государей указам определены на всякие церковные нужды, без которых в церкви пробыть нельзя, на вино, просвиры, воск, ладон, масло, сборы с церковью данные и вечные; он эти деньги отнимает, и если эти сборы будут отняты, то я церкви затворю, и архиерейскому дому правиться будет нечем и архиерейству быть не у чего, поневоле надобно будет архиерейство покинуть, какое архиерейство, когда данное в дом отнимают? Без именного государева указа я вечных и данных денег не отдам. Говорил я Тютчеву и о том, чтобы по наказу разыскивать правдою, помнил бы видимое лежащее на них за преумножение грехов их и неправд посещение, что шведы стоят такое продолжительное время противно».

Исаия высказал открыто и резко свое неудовольствие; другие высказывали его скромнее и тайнее. Не был доволен и первый архиерей в России, блюститель патриаршего престола, рязанский митрополит Стефан Яворский. Мы видели, как он поступил пред поставлением своим в архиереи на великороссийскую епархию; и теперь все рвался из Москвы в Малорос-

сию. Может быть, действительно ему было тяжело в Москве, как на чужой стороне, где по своему скрытному характеру он не мог возбудить к себе большого сочувствия и где вообще тогда не очень доброжелательно смотрели на малороссиян. Стефан в своих проповедях расхваливал Петра, его дела и поведение, иногда приторно, тяжело, иногда удачно. как, например: «Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикого лица преклонству, толикому смирению и снисходительству: с нами яст, пиет, спит, сидит, любовне беседует с нами; аки един от сосед и друзей наших премирно сожительствует, и забыв себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещет, всякому есть приступен, жилища наши посещает, обедом, вечерию и охотою нашу не гнушается. С нами, аки отец с чадами, больши реку, яко брат с братиею, житие свое проводит. Председание на сонмищах и предвозлегания на вечерях и целования на торжищах давно то оставил фарисеем прегордым». Стефан сам свидетельствовал, что услаждался, как сахаром, милостию царского величества и отеческим его благопризрением; он не мог жаловаться и на скудость содержания при новых порядках, как жаловались другие архиереи. «От самого великого государя, – говорит Стефан, – много раз получал за победительные проповеди (проповеди, сказанные по случаю побед) иногда тысячу золотых, иногда меньше, также и от прочих членов царского дома многие много раз щедроты бывали мне за литургии и проповеди слова божия».

Несмотря на то, Стефан упорно требовал увольнения от должности, отпуска на родину, представляя свои немощи; но ему, как человеку скрытному, непрямому, не верили, предполагали, что он чем-то недоволен, что ему чего-то хочется, что если бы, например, его сделали патриархом, то он бы не пошел на покой. В 1706 году Яворский был в Киеве вместе с государем и стал проситься, чтоб его там оставили, не возвращали в Москву; Петр отказал и уехал; тогда Яворский приступил к оставшемуся в Киеве боярину Стрешневу с слезною просьбою о том же. «Был я у него не один раз, – писал Стрешнев царю, – и много было с ним разговоров: и милостью твоею я его обнадеживал, и гневом грозил; наконец он решился выехать из Киева и выехал, никому не сказавшись; даже в том монастыре, где жил, не ведали. Просил он у меня, чтобы гневу твоего на него не было за усиленные его просьбы; я ему сказал: твои были большие просьбы, и государево изволение – велено ехать; ты так и сделал, и потому гнева государева на тебя нет и милость государева к тебе по-прежнему не умалится».

Милость государева не умалилась по-прежнему, но и поводы к неудовольствию оставались прежние, а Яворский не имел духу отстранить их откровенным объяснением; только сердился втихомолку да просился на покой. Неприятно блюстителю патриаршего престола, когда царица Марфа Матвеевна пришлет сказать ему, что в Архангельском соборе дьяконы кидают в священников воском; Стефан велит наказывать виновных, посадить в заключение, а тут царица опять присылает, чтоб освободить их. Но это еще ничего, по крайней мере царица; но нестерпимо то, что боярин Мусин-Пушкин поставлен каким-то помощником, товарищем блюстителю патриаршего престола. В 1707 году холмогорский архиепископ Сильвестр был переведен в Смоленск; на его место нужно было поставить архиерея, и Стефан представил Петру, находившемуся тогда в Москве, двоих кандидатов, архимандрита троицкого и знаменского. Ни тот, ни другой не понравились, и Головкин писал Стефану, чтоб он избрал на Холмогорскую епархию из духовных особ трех или двух, которые бы были искусные, и ученые, и политичные люди: «Понеже та Холмогорская епархия у знатного морского порту, где бывает множество разных областей иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности политично, к чести и славе Российского государства, яко же и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал». Царь отвергает кандидатов, велит выбрать других, но, что всего хуже, велит Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этом выборе! Головкин писал Мусину-Пушкину: «К Стефану митрополиту я писал, что в том выборе будет и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно те особы избраны будут, о том извольте, милость ваша, с ним, митрополитом, писать к царскому величеству, на что

его величество соизволит тогда указ свой послать, кого из тех особ на Холмогоры во архиепископы посвятить». В половине года опять новое столкновение у митрополита с Мусиным-Пушкиным, который жаловался на Стефана Головкину: «В письме твоём писано, что указал великий государь протопопу Тимофею быть в Благовещенском соборе и чтоб я о том указ объявил рязанскому митрополиту, дабы переведен был благовещенский к Воскресению. И я посылал к рязанскому митрополиту с тем указом, а он сказал, что того чинить не будет, дондеже сам царское величество увидит, и велми злобится на меня, будто все то я промыслом своим делаю. И так во нраве своем переменялся, приехав из Киева, что никто угодить не может».

Свидание с царем в Москве после Полтавы не успокоило Стефана. В 1710 году он писал поздравительные письма Петру со взятием городов у шведов, натягивая, по своему обычаю, каламбуры; так, поздравляя со взятием Риги, писал: «Уже и Рыга их славная *изрыгнула* горестно, яже прежде поглощала сладостно труды людей и наследила многих potentантов богатства; где твоя, Рига, пыха, где твоя, Выборк, гордыня?» По случаю взятия Ревеля писал: «Слава богу, пошло нам на здоровье, егда *ревень* или Ревель врачебную вещь дал нам бог всемогущий стяжати». Стефан подписывался: «Верный подданный, недостойный богомолец, раб и подножие, смиренный Стефан, пастушок рязанский». Но когда в сентябре Петр позвал Стефана в Петербург, пастушок выпросил отсрочку под предлогом болезни и уехал в Рязань. 2 ноября Мусин-Пушкин писал к царю: «Митрополит рязанский поехал на Рязань, и я к нему писал три письма, чтоб изволил ехать к Москве, понеже многие дела требуют его исправления; на третье письмо отвечал, чтоб его не принуждать быть к Москве и дела духовные, которые он ведал, чтоб приказать ведать иному. А слух есть, будто хочет он схимиться, и я писал к нему и послал дьяка, чтоб он без указа вашего величества того не чинил, и велел я всем архимандритам и священникам сказать, чтоб никто его без указа не схимил под жестоким наказанием».

Рязанский пастушок не посихмился, но и не помирился с своим положением, не помирился 41 с Мусиным-Пушкиным. «От головы начинает рыба смердеть, – проповедовал Стефан, – от начальников множится в собраниях бедство. Ирод, егда слыша Иоанна Крестителя, иных обличающа, в сладость послушаше его. Коснуся после Иоанн и самого безобразия Иродова: ваше величество! ты и сам еси от других злейший, понеже ты подданным своим злейший образ подаеши, от тебя мнози соблазняются... Зде Ирод тотчас говорит Иоанну: молчи! в темницу его! За дерзость казнь да примет!» Стефану никто не приказывал молчать, никто не сажал в темницу; он свободно мог проповедовать и производить сильное впечатление, о котором свидетельствуют современники, даже враждебные ему: «Что витийства касается, правда, что имел удивительный дар, и едва подобные ему во учителях российских обрестися могли, ибо мне довольно случися видеть в церкви, что он мог во учении слышателей привести плакать или смеяться, которому движение его тела и рук, помавание очей и лица пременение весьма помогствовало, которое ему природа дала. Он, когда хотел, то часто от ярости забывал свой сан и место, где стоял».

Но были в России два архиерея, два человека с различными характерами, подававшие друг другу руки и стремившиеся к одной святой цели, несмотря на трудности времени, несмотря на то, что Мусин-Пушкин, обрезывая монастырские доходы для нужд государственных, иногда резал по живому месту, лишал достойных архиереев средств служить великому делу образования, не умел делать различия между Исаиею нижегородским и Димитрием ростовским. Первый был Иов, митрополит Новгорода Великого, мало известный как писатель, отличавшийся практическою деятельностью, но хорошо понимавший необходимость образования для духовенства. В то время, когда в Московской академии при отсутствии греческих учителей учителя малороссийские дали господство латинскому преподаванию, Иов выпросил у Петра позволение взять к себе из ссылки братьев Лихудов, чтобы с их помощью завести при своем доме Греко-латино-славянскую школу. Но в Москве, как видно, не хотели дать преимущества Новгороду, и в январе 1708 года в ближней канцелярии состоялся боярский приговор:

иеромонахов греческих – Иоанникия и Софрония Лихудьевых, которые ныне в Великом Новгороде, и при них находящихся людей, которые с ними посланы с Москвы, взять по-прежнему к Москве и учить им в школах греческому языку. Знаменитых учителей взяли у Иова, но у него была еще другая деятельность: в Новгороде явились построенные на архиерейский счет три больницы, две гостиницы и дом для подкидышей. Новгородский митрополит имел особенное искусство при тогдашних трудных финансовых обстоятельствах заводить училища, больницы и сиротские дома; обширная переписка Иова с сильными мира сего показывает его практическое направление.

Другим характером отличался ростовский митрополит Димитрий, продолжавший и в описываемое время свою святую деятельность. Он окончил обширный труд – Четьи-Минеи, имеющие до сих пор такое важное воспитательное значение для русских людей, но не мог успокоиться. Летом 1705 года он поехал в Ярославль, важнейший город своей епархии. Здесь в одно воскресенье, когда после обедни он шел из собора домой, к нему подошли два человека, не старые, но с бородами, и сказали ему: «Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обреются». Изумленный митрополит не нашелся, что вдруг отвечать им от писания, спросил: «Что отрастет – голова ли отсеченная или борода обритая?» Те, помолчавши, отвечали: «Борода отрастет, а голова нет». «Так вам лучше не пощадить бороды, которая, десять раз обритая, отрастет, чем потерять голову, которая, раз отсеченная, уже не отрастет никогда, разве в общее воскресенье», – сказал митрополит и пошел в свою келию. Но за ним пришло много лучших горожан, и был у них длинный разговор о брадобритии. Тут митрополит узнал, что многие, обрившиеся по указу, сомневаются о своем спасении, думают, что потеряли образ и подобие божие. Митрополит должен был увещевать их, что образ божий и подобие состоят не в видимом лице человеческом, но в невидимой душе: притом бреются бороды не по своей воле, по указу государеву, а надобно повиноваться властям в делах, непротивных богу и не вредящих спасению. После этого разговора Димитрий счел своею обязанностью написать рассуждение «Об образе божии и подобии в человеце», которое несколько раз печаталось по приказанию Петра. Но на этом нельзя было остановиться: за людьми, которые сомневались в своем спасении, обривши бороды, и которые, однако, в своих сомнениях обращались к архиерею, стояли люди, которые уже давно не обращались к архиереям, считая их отступниками от истинной веры. Как малороссиянин, Димитрий не мог быть знаком с расколом до тех пор, пока не стал управлять Ростовскою епархией; здесь, увидевши всю силу зла, он решился вооружиться против него. «Окаянные последние времена наши! – писал Димитрий. – Святая церковь сильно стеснена, умалена, с одной стороны, от внешних гонителей, с другой – от внутренних раскольников. С трудом можно где найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». Митрополиту указали на священника, преданного расколу; убедившись, что обвиненный действительно раскольник, Димитрий отрешил его от места, но позволил как вдовцу идти в монахи. Священник нашел доступ к царице Прасковье Феодоровне, та шлет письмо к митрополиту, просит его переменить решение. «Не могу сделать вещи невозможной, – отвечал Димитрий, – много мне было от него досады, перед многими людьми называл меня еретиком, римлянином неверным, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства у него не отнял, дал ему волю постричься в каком-нибудь монастыре; но боюсь гнева божия, если волка в одежде овчей пушу в стадо христово губить души людские раскольническими учениями». В конце 1708 года Димитрий отправился в Ярославль «по нужде раскольнической, потому что сильно умножились раскольники в епархии». Поучив с неделю народ, он нашел, что устной проповеди мало, и потому написал в Москву: «Так как слова из уст больше идут на ветер, нежели в сердце слушателя, то, *оставя летописное дело*, я принялся писать особую книжку против раскольнических учителей, потому что бог за летопись меня не истязет, а, если

буду молчать против раскольников, истяжет». Эта книжица была знаменитый «Розыск о раскольничьей брынской вере».

Для Розыска Димитрий считал нужным оставить летописное дело. «Помню, – писал он, – что в нашей малороссийской стороне трудно сыскать библию славянскую и редко кто из духовенства знает порядок историй библейских, что когда происходило: для того я бы хотел издать здесь краткую библейскую историю, книжицу не очень большую, чтоб всякий мог дешево купить». Первым препятствием, которое встретил Димитрий, была хронологическая запутанность; когда он сделал опыт разъяснить дело и послал его на суд тогдашним ученым мужам, то они заметили, что это не история, и видели соблазн для раскольников в том, что вопрос о годе Рождества Христова оставлен нерешенным. «Это действительно не история, – отвечал Димитрий, – а только оглавление будущей истории, где предлагается не что-нибудь сомнительное, но указываются ошибки, в которых наши упорно стоят. Что же касается до соблазна раскольников, то мне и хотелось показать, что у наших неправое летосчисление на основании хронографов. Почему греческие хронографы не согласны с мнением наших? Разве о таких несогласиях молчать и, что ложно, того не обличать и упрямству людскому снисходить? Раскольникам же никто ничем не угодит: они и добрыми, полезными и святыми вещами соблазняются».

Крепость телесная не соответствовала силе духовной. «Рада душа в рай, грехи не пускают, – писал Димитрий. – Рад писать – здоровье худо. Чего мне, бессильному, надеяться? Страх смерти напал на меня. А дело летописное как останется? Будет ли охотник приняться за него и довершить? Не жаль мне ничего, да и нечего жалеть: богатства не брал, денег не накопил, одного мне жаль, что начатое книгописание далеко до совершения». 28 октября 1709 года святой трудолюбец скончался на молитве 58 лет от роду; в гробе под голову и подо все тело, по его завещанию, постланы были его черновые бумаги. Кроме книг, у него ничего не осталось, он не хотел оставить даже и на помин души, чтобы не нарушить обета нестяжательности.

Жалоба такого архиерея, как св. Димитрий, тяжело легла на памяти Мусина-Пушкина. В мае 1707 года Димитрий писал в Москву о своем состоянии: «Часто болею, отчасти и печалию смущаюсь, видя беды священникам, смотря на слезы их; и дом наш год от году оскудевает. Хотя и уповаю на бога, однако при виде их нужды скорблю, потому что естество человеческое, сердобольно сущее, обыкло соболеживать бедствующим». До нас дошло также письмо Димитрия к Иову новгородскому: «Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое учение тщанием вашим архиерейским, трудолюбием же премудрейших учителей Иоанникия и Софрония Лихудиевых, сильно о том радуюсь, молю бога, да содействует преосвященству вашему и пречестнейшим учителям в том благопотребном деле; ибо что человека вразумляет, как не учение? И Христос господь, хотя сотворить учеников своих учителями всей вселенной, прежде всего отверз им ум разуметь писания. Уподобляешься господу своему, когда, желая иметь людей учительных, разумных в пастве своей, собрал не малое число учеников и предложил им то учение, которое есть начало и источник всему любомудрию, т. е. еллино-греческий язык, которым все мудрые учения распространились по всем народам. Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начинали было грамматику разуметь недурно; но, попусшением Божиим, скудость архиерейского дома положила препятствие, питающий нас вознегодывал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и венечные памяти. Умалчиваю о прочих поведениях наших. *Sat sapienti*».

Жаловались архиереи, жаловались и простые священники на небывалые тягости и поборы. В Белгородском уезде один сельский священник говорил другому: «Бог знает, что у нас в царстве стало: Украина наша пропала вся от податей, такие подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братьи, священников, дошло, начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слышали; никак в нашем царстве госу-

даря нет!» Священник читал в постной триоде синаксарь в субботу мясопустную; в синаксаре написано о рождении антихристове, что родится от блуда, от жены скверны и девицы мнимы, от племени Данова; и стал он думать, где тот антихрист родится, не в нашем ли государстве? В это время приходит к нему по знакомству Белгородских полков отставной прапорщик Аника Акимыч Попов; Аника был человек бездомовный, кормился в разных селах, учил детей грамоте. Священник начал говорить Анике: «В миру у нас стало ныне тяжело, прежние подати берут сполна, да сверх того прибыльщики стали брать с бань, с изб, с мельниц, с пчел деньги, лесов рубить и в водах рыбы ловить не велят, в книгах писано, что антихрист скоро родится от племени Данова». Аника отвечал: «Антихрист уже есть: у нас в царстве не государь царствует, антихрист; знай себе: толкуется Даново племя царским племенем, а государь родился не от первой жены, от другой, так и стало, что родился он от блуда, потому что законная жена бывает первая». Священник заметил: «В книгах писано, что при антихристе людям будут великие тягости, и ныне миру очень тяжело стало, того и жди, что от бога станут отвращать». Игумен Троицкого смоленского монастыря говорил то же, что и нижегородский архиерей, только прямее, не загораживая Петра Мусиным-Пушкиным: «Государь безвинно людям Божиим кровь проливает и церкви Божии разоряет: куда ему Шведское царство под себя подбить? Чтоб и своего царства не потерял!» В Москве недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на немку Монсову. «Видишь, – говорили они, – какое бусурманское житье на Москве стало: волосы накладные завели, для государя вывезли из Немецкой земли немку Монсову, и живет она в Лафертовых палатах, а по воротам на Москве с русского платья берут пошлину от той же немки». Недовольные настоящим утешали себя будущим: между ними ходили слухи, что наследник также недоволен, что он окружил себя всегдашними представителями недовольных – козаками и ведет борьбу с боярами, потаковниками незаконного царя: «Царевич на Москве гуляет с донскими козаками, и как увидит которого боярина и мигнет козакам, и козаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросят в ров. У нас государя нет; это не государь, что ныне владеет, да и царевич говорит, что мне не батюшка и не царь».

Одни жаловались на бояр за то, что они потакают новым обычаям, другие жаловались на тех же бояр, доносили на них, что не исполняют указов государевых относительно нововведений. В 1708 году разбросаны были подметные письма, в которых, между прочим, говорилось: «Воеводы посулы великие берут и беглых не высылают, и мы, сироты твои, от того вконец разорились, что с пуста платим; воеводы так поступают ради себя, что за ними беглые крестьяне живут, на твоей, государственной, земле множество много деревень населено дворов по 200 и по 300. Бояре и другому указу твоему непослушны, о русском платье: как ты придешь к Москве, и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках, а наверх надевают юпки, а на головах носят не шапки польские, неведомо какие дьявольские камилавки, а если на ком увидят шапку или фантаж, то ругают и смеются и называют недобрыми женами тех, кто ходит по твоему указу, а в заводе (зачинщица) Алексея Салтыкова жена, князя Петра Долгорукого, Абрама Лопухина, Ивана Мусина, княгиня Настасья Троекурова, Ивана Бутурлина, Тихона Стрешнева, Юрья Нелединского, княгиня Аграфена Бярятинская; а брали оне образец (шапкам?) из монастыря Чудова от чернеца Колтычевского. Как царь Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменяли и указу его не ругали, а твой указ ни во что ставят, в семь лет не переведут. И так все пропали, что ты наша надежда, государь, не изволишь быть на Москве, лишь только без тебя судьи богатятся, царство твое все разорилось, а они о том велики радуются, что ты идешь вскоре с Москвы, а мы, сироты твои, и пуще все пропадем, что не изволил ничего управить при своем здоровье и им, судьям, за их неправое рассмотрение ничего не учинил. Только и всего указу твоего послушен учинился князь Александр Данилыч – велел всех беглых крестьян выслать. Воистину, государь, бояре твоего указа так не слушают, что Абрама Лопухина, и так в него веруют и боятся его, и он, Абрам, всем завладел, и что он им придумает, так и

делают, кого велит обвинить, того обвинят, кого велит оправить, того оправят, кого захочет от службы отставить, того отставят, а кого захочет послать, того пошлют. Да он же, Абрам, был у Алексея Салтыкова (сидевшего в Судном московском приказе), и тут многие были и спросили его, быть ли Троекуровым детям за морем, и он, Абрам, посмеялся: „Еще тот не родился человек, кому нас посылать; разве Абрама Лопухина на сем свете не будет, тогда моим сродникам за море идти; он которых написал сродников моих за море, и я им велел деньги кинуть, на те деньги Меншиковой княгине седла покупают, на чем ей ездить в полках“. А сказывал про то князь Петр Долгорукий, как княгиня ездит верхом, и Анна Даниловна, и всякие слова про них говорили поносные. За ним, Абрамом, и за сродниками его беглых крестьян премножество много и доньне. Воистину нам твое здоровье надобно для того: если мы достанемся ему, вору Абраму, во владительство, а он чаёт себе скорого владительства».

Письмо писал поп Алексей Федоров по приказанию жены Никиты Пушкина. Свидетельствами таких источников, как подметные письма, надобно пользоваться осторожно: они писались преимущественно под влиянием личных отношений; несмотря на то, нельзя не обратить внимания на сопротивление московских дам указу о немецком платье; нельзя не обратить внимания на значение Абрама Лопухина, значение, которое основывалось на близости его к наследнику, царевичу Алексею: велико было это значение в настоящем, еще больше грозило стать в будущем...

Мы уже видели, что все эти неудовольствия, выражавшиеся в разных слоях общества, не могли повести ни к какому серьезному сопротивлению действиям правительства в областях центральных; вооруженное восстание могло вспыхивать только на окраинах, в Астрахани, у башкирцев, между козаками; но и тут везде правительство восторжествовало, несмотря на развлечение его сил борьбою с страшным врагом внешним. Расчет Мазепы и Карла XII на сильное неудовольствие в Малороссии на Москву и на царя также оказался неосновательным: народная масса осталась при народном знамени, которое держал Петр; но понятно, что после Полтавы Петр не мог оставить всю власть по-прежнему в руках людей, которые при стремлении к личным целям обращали так мало внимания на народное знамя. Немедленно после Полтавы, 17 июля, в Решетилровке гетман Скоропадский подал царю статьи для утверждения. Первая статья заключала в себе просьбу об утверждении и сбережении всех прав, вольностей и порядков войсковых. Царь отвечал, что эти права, вольности и порядки подтверждены им *генерально* при поставлении гетмана в Глухове и теперь он обещает ненарушимо содержать их *по милости своей*; обстоятельные статьи дадутся гетману после, ныне же это невозможно по неимению времени и послучаю похода государева в Польшу. Во второй статье гетман просил, чтоб в случае не генерального похода, а выступлений только части малороссийского войска на службу наказный гетман был независим от генералов и офицеров, чтоб они не возили впредь козаками дров, сена и не заставляли их пасти рогатый скот и коней, как то бывало прежде. Царь отвечал, что нельзя наказным гетманам не быть под командою великороссийских генералов; но генералам будет настрого приказано не употреблять козаков никуда, кроме войскового дела, в случае непослушания генералов этому приказу наказные обязаны доносить государю, и преступники подвергнутся жестокому гневу царскому. В третьей статье гетман просил, чтоб великороссийские воеводы, где они на прежних местах останутся, ни в какие распорядки и дела городские и полковые не вмешивались, а присматривали бы только за замками, да чтоб малороссиян, рассвирепевших и законной власти непокорных, к себе на службу не принимали; не обижали бы обывателей и расправы без малороссийской старшины сами не чинили. Также чтоб были выведены гарнизоны, в некоторых малороссийских городах вновь помещенные, потому что неприятель побежден и нет уже его больше в Малороссии. *Ответ:* Воеводам дано будет повеление, чтоб они, *без указу*, до малороссиян притязаний не имели, вольностей их не нарушали, в суды и расправы не вмешивались; а если будет какое важное дело до малороссиянина, то розыск и справедливость чинили бы с согласия полковников и старшины, не включая в это

постановление государственных дел, измены и т. п. Что касается до гарнизонов, то они выведены отовсюду, кроме Полтавы, потому что большая часть городов Полтавского полка были замешаны в бунт запорожский. В четвертой статье гетман просил, чтоб на козацких дворах никто из великороссиян не становился самовольно, а посланникам квартиры указывали бы старшины городовые или сельские, «бо чрез тое вольность козацкая, за которую едино тылько служат, нарушается». Царь отвечал, что самовольно ставиться на козацких дворах будет строго запрещено; в случае же неповиновения со стороны великороссиян козаки должны жаловаться находящемуся при гетмане ближнему стольнику Андрею Петровичу Измайлову, а в Киеве и вблизи его – воеводе князю Дм. Мих. Голицыну. В пятой статье гетман просил, чтоб великороссияне не брали самовольно подвод, не уводили лошадей, взятых в подводу, как это случалось несколько тысяч раз, чтоб не вымышляли допросов на ратушах, «бьючи и мордуючи людей», и чтобы великороссийские войска при переходах не обижали обывателей. *Ответ:* Государь даст приказание, чтоб постою без крайней нужды у козаков не было, а что в прежней статье к лицу государя выражено, что козаки служат за одну козацкую вольность, того писать не надлежало: весь народ довольно испытал царские милости; он пользуется и ныне привилегиями и вольностями, притом государь освободил его от шведов, от Мазепы и от тиранства, погибели и разорений польских, турецких и татарских. В шестой статье заключалась просьба об увольнении от походов по причине крайнего разорения жителей. Государь уволил на лето 1709 года, кроме крайней нужды и некоторого числа, по требованию обстоятельств. В седьмой статье говорилось: хорошо, что проклятые запорожцы чрез измену утратили Сечь, но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбою и зверями: просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнотонский воевода, ни гарнизон не делали промышленникам обид и препятствий. *Ответ:* На этот счет будет сделано распоряжение после, а теперь нельзя, потому что под этим предлогом бунтовщики запорожцы могут вгнездиться на прежних местах и устроить собрания бунтовщицкие. Осьмая статья: «Один проклятый Мазепа с малым числом единомышленников изменил вашему величеству, а на всех нас, непоколебимых в верности, лежит досада и порок: нас называют изменниками». *Ответ:* О том уже было запрещение, и ныне оно строго подтвердится. Девятая статья: «Бьем челом, чтоб указы не от многих в Малороссию были посылаемы и не в полки, а единственно от вас, великого и всенадежно милостивого государя, и к одному только гетману, он же их будет рассылать куда следует». *Ответ.* Указы будут посылаются в Малороссию прямо на имя одного гетмана и только из приказа Малой России и от министров его величества.

В январе 1710 года царь дал гетману грамоту с подтверждением пунктов, «на которых приступил под высокодержавнейшую руку отца нашего гетман Богдан Хмельницкий». Через месяц настрого было запрещено войсковым людям брать в Малороссии подводы сверх указанного числа, ставиться самовольно на козацких дворах и вымогать излишние кормы и питье, велено довольствоваться тем, что дадут. «Также дабы отнюдь никто не дерзал наших верных подданных малороссийского народа людей изменниками называть. Ежели же кто сему нашему указу явится в чем преслушен, и за то учинен будет офицерам воинский суд и по тому достойное наказание, а рядовым жестокое наказание». Верных подданных запрещено называть изменниками, ибо один Мазепа изменил с малым числом единомышленников, по Мазепа изменил, его предшественники изменили также или по крайней мере были обвинены в измене своими. Чтоб предотвратить на будущее время измену и ложные обвинения в ней, верным средством было поставить подле гетмана великороссийского чиновника, который бы отвечал за его поведение и не давал места крамоле. Жаловаться на такое средство было нельзя, оно оправдывалось необходимостью, а между тем это был шаг к уничтожению сана гетманского, ибо власть гетмана стеснялась присутствием этих очей и ушей царских. Ближнему стольнику и наместнику суздальскому Андрею Петровичу Измайлову поручено было находиться при гетмане для управления, по общему с ним совету, делами великого государя по случаю бывшего возму-

щения в Малороссийском краю и бунта запорожцев; ему было наказано стараться вместе с гетманом о сохранении тишины и благоустройства в Малороссии посредством поимки всех возмутителей; препятствовать вооруженною рукою запорожцам селиться вновь в Сечи или в другом каком месте; иностранных посланцев принимать вместе с гетманом, доставлять к государю привозимые ими письма и без высочайшего соизволения не отвечать, равно и козацких посольств никуда не отправлять; смотреть, чтоб гетман без указа государева никого из старшин и полковников не отставлял и чтоб избирались они с общего совета и с утверждения царского; препятствовать принятию в службу поляков и других иноземцев; наблюдать, чтоб гетман никого не казил без воли царской; описать все имение изменников и прислать ему ведомость; впредь гетман не должен маетностей и земель ни давать, ни отнимать ни у кого без царского соизволения, за усердную же службу назначать земли с общего согласия генеральных старшин и потом представлять об этом государю; гетману иметь свое пребывание в Глухове; с городов в Полтавском полку и в других, замешанных в измене Мазепиной, взыскать в казну по два ефимка с каждого двора, в случае неплатежа разорить их до основания, подобно Батурину; истребовать от гетмана и полковников подробную ведомость о войсковых доходах. Кроме этого наказа Измайлову был дан еще тайный: иметь неослабное смотрение за поступками гетмана, старшины и полковников и препятствовать им сноситься с турками, татарами, поляками, шведами и с изменниками-козаками; в случае же измены или народного возмущения требовать пособия от воеводы киевского и от других соседних, а для скорейшего прекращения всякого беспорядка употреблять пехотные великороссийские полки, данные ему в команду и находившиеся прежде при Мазепе. Проведать тайно, сколько прежде собиралось и теперь собирается доходов для гетмана, генеральной старшины, полковников и прочих урядников. Узнавать из разговоров и обхождения, кто из старшин и козаков более привержен к государю и какого уряда достоин. Но Измайлов, несмотря на то что сумел ужиться с гетманом, недолго, однако, при нем оставался, потому что имел неосторожность подписать вместе с Скоропадским увещательную грамоту к запорожцам. «И то мне зело удивительно, – писал Головкин гетману, – чего ради то он учинил, ибо ему того чинить ненадлежало, но вашей милости, яко гетману Войска Запорожского, таковые универсалы и прочие дела, надлежащие к управлению малороссийского народа, одному надлежит подписывать». В сентябре 1710 года Измайлов был отозван, и вместо его велено быть при гетмане думному дьяку Виниусу и стольнику Федору Протасьеву для советов о государевых делах. Гетман, узнавши, что Измайлова хотят переменить, просил Головкина, чтоб оставили его при нем по-прежнему, уверяя, что живет с Измайловым согласно, очень доволен его благоразумными советами. Желая успокоить гетмана, Головкин писал ему: «О отозвании господина Измайлова уже указ определен, отчасти по преждебывшему собственному прошению и нужд его домовых и скудости; и определены вместо его при вас для потребного советования думный дьяк господин Виниус купно с стольником Федором Протасьевым, которые вашей вельможности довольно знаемы яко суть люди искусные и неважные и которым приказано будет, дабы с вашею вельможностию во всем поступали нисходительно и вашей вельможности и советы и делами вспомогали, и уповаю, что ваша вельможность оными весьма контент будете». Присутствие при гетмане великороссийских чиновников, одного, потом двоих, разумеется, не могло не возбудить неудовольствия в Малороссии, не могло не возбудить опасения за существующий порядок. В феврале 1710 года киевский воевода князь Дмитрий Михайлович Голицын писал Головкину: «Сказывал мне бывший чигиринский сотник Невенчанный: когда ехал он из Москвы, то на дороге встретил гетманского посланца, отвозившего к государю дичину. Этот посланец спрашивал его: на Москве что делается? А у нас на Украине слышно, что государь хочет украинских всех людей перевезть за Москву и на Украине поселить русских людей. Москва лучшие города наши хочет себе побрать. Что наши и за вольности? Министр, который при гетмане, всякое письмо осматривает. Дурно сделал гетман Мазепа, что не объявил о своем деле всей старшине и посполитым людям. Теперь гетман просил всю старшину, чтоб

потерпели какие ни есть тягости от русских людей до весны, пока выйдут в поле, а как в поле выйдут, тогда будут писать к государю, чтоб их вольности по-прежнему были; а если государь тем их не пожалует, то иное будут думать. Невенчаный спросил у того же посланца, не пришли ли запорожцы с повинною к государю? И тот отвечал: „Разве будут дураки, что пойдут; они хорошо делают, что Орду поднимают; а как Орду поднимут, то вся Украина свободна будет, а то от Москвы вся Украина пропала“. Тот же Невенчаный объявил, что встретились с ним два запорожца, шедшие с повинною к государю, и сказывали: „Все запорожцы для того нейдут с повинною к государю, что из Украины дали им знать: если вы пойдете, то все пропадете, заключайте союз с татарами и освобождайте нас, потому что мы все от Москвы пропали“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.